

Людмила Сурова

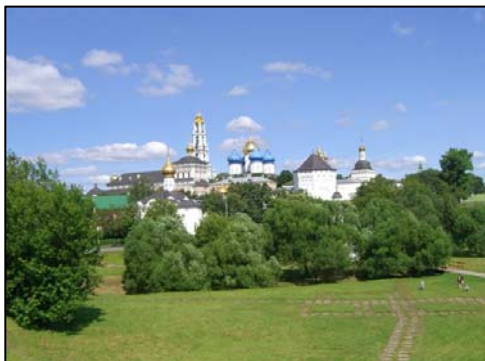
Киновия

(Страничка из дневника)

Поездка Троице-Сергиеву Лавру 30 июня 2009 г.

30 июня 2009 - Поездка Троице-Сергиеву Лавру. Посещение Гефсиманского скита и Киновии Боголюбивой, где долгое время было братское кладбище и покоились мощи блаженного Филиппушки Голубка, потому что всегда носил посох с голубком.

Это было настоящее паломничество с обретением иконы «Владимирской Божией Матери», которая была найдена в разоренном алтаре храма в Киновии и отдана нам на хранение сторожем. Вот небольшой репортаж об этом замечательном дне.

Лавра. Кто из русских не бывал у твоих стен? Кто не входил под своды твоих врат с благоговейным страхом и замириением сердца? Неужели? Неужели здесь, вот сейчас прикоснусь Преподобному Сергию, уткнувшись лицом в ту землю, ту самую, которая была при Нем!

И мы подошли к Лавре и застыли на миг перед ее силой.

Спускаться вниз всегда трудно. Но спуск к Лавре особенный. Она как будто окружена кольцом враждебных полчищ. То ветер сдувает, сбивает тебя с ног, свищет, то в речушке внизу почудится что-то отсеченное, человеческое, то смех нападет на попутчиков – в общем, шалит нечисть, чувствует вражия сила силу превысшую, неумолимую, неотступную, и уж как бы хорошо отманить человека от нее! Да чем угодно, торгом, суетой, страхом, холодом – лишь бы не входил в эти необоримые для ада врата.

Идем. Молчим и идем.

Молитва у мощей преподобного Сергия – это новая жизнь. Не та наша, которую мы хотим как-то улучшить и облагодатствовать. Нет, здесь, во тьме нашего сердца, под сводами его зачинается какая-то другая жизнь, если ты дашь ей пробиться сквозь толщу песка. Минута за минутой, час за часом, и вдруг время останавливается, и все переходит в пространство твоего сердца. Как-то раз удалось вместе промолиться у мощей часов пять, слезы сменялись, ужасом, ужас тишиной, тишина радостью и опять слезами. Мы как бы исчезли для самих себя, перестали себя тяготить, ну хоть на время молитвы или чуть дольше – оказались свободны. Вот сила Преподобного! Поднял суму нашей тяги земной, нашей неподъемной души, уж так стремящейся долу, что и сил нет оторвать ее от земли самим. А он сумел, и стоим легкие, крылатые, непомнящие себя, но светящие друг другу.

кать эту неизвестную никем Киновию. Кто-то из местных махнул рукой – берите левее, где фабрика инвалидов, там еще дорога уложена могильными плитами, увидите.

И увидели, нашли. И действительно могильными камнями или памятниками вымощена дорога. Людям надо было хо дить и ездить, а кладбище, видимо, заросло, забылось. Да и какая о монахе память, разве что вечная, небесная...

После Троицкого собора почти всегда идем в Гефсиманский скит: притягивает тайна пещерного братства. На ступенях Гефсиманского скита и в это раз нас ослепило солнце.

Кто первый заговорил о Киновии, трудно сказать. Блаженный Филиппушка уже был перенесен в скит, но почему-то пошли ис-

Артель инвалидов действительно нашлась и выставила своего привратника, который был занят дружеским обедом, но как-то лег-

ко отвлекся от трапезы и повел нас, да, да к Киновии: «Там Церковь была, только ее теперь нет, разорили, и выкопали тело этого, как его? И теперь оно в скиту, говорят в богатом камне убрано. Да, да...»

Киновия – это монашеское поселение. И оно здесь действительно возникло на берегу озера. Что раньше:

кладбище или Киновия? Монахи могил не боялись. Боялись обмирщения, боялись осуетиться, впасть в многозаботливость о жизни здешней. Боялись пристраститься к удобствам, «могу жить в скудости, могу в богатстве», боялись ослабить свою память смертную. И уходили из монастырей, часто уходили в скиты, а то и из скитов, если там становилось суетно, уходили.

Так и это святое место, а что оно именно такое, ни у кого не возникло сомнений – дух здесь был не просто легкий, но какой-то светлый, что-то негаснущее стояло в воздухе и как бы пело, может быть, молитва шла? Да, да, здесь, видимо, не утихала молитва тех, чьи тела уже истлели в земле, а души привыкшие петь Бога, поют и доньше.

Киновия воздвигла свой храм, сначала он был деревянный, потом каменный. Тут буду лежать, сказал наш Филиппушка, таинник московский, монах по призванию, отложивший свое монашество по родительскому слову, прошедший путь брака и все-таки вышедший на святую дорогу ангельского чина, но уже с сыновьями, супругой. Вот образ русского смирения. И именно он ушел из Гефсиманского скита на берег озера, и лег здесь в конце своего пути в приделе каменного храма на песчаном, крепком холме. И что-то все казалось, что ходы песчаные под землей соединяют Киновию не только с Гефсиманским скитом, как утверждали все, а с самой Лаврой, а может, и еще с чем...

«Храм оставленный всё храм». Подошли, и скорбь охватила всех. «Здесь они совсем недавно служили. Да часто, каждое, поди, воскресение, я-то у них не бывал, но видел, шли, шли, и вот на тебе все разорено...»

Храм стоит как немой. Вышел навстречу людям, таится, а молчит. Господи помилуй! «Вот тут, тут служили – не может успокоиться проводник, – внизу. Там у них все было. Да!»

Ступеньки-то рассыпались, но дверь в подвал есть, приоткрыта. Можно?

«А что ж!? И пойдем!»

Иду вниз, идем вдвоем с проводником. Ой! ой!

Когда глаза привыкли к тьме, неполной, но со свету-то тьме, увидели разоренный, недавно разоренный нижний храм. Подклет, полуземлянка, небольшой, как и надо монахам: скругленные стены, весь обращен к алтарю, как капля, втекающая в него. Алтарная преграда еще сохранилась, фанерная. Сколько таких фанерных иконостасов было построено в девяностых. А служба в них как птица летела – молитва жила. И этот храм, возобновлен был, наверное, в девяностых, и, чувствуется, жил еще совсем недавно, но как он изодран сейчас: царские ворота, всё царские, не то что открыты, сорваны с петель, болтаются - входи любой.

«Ох, да как же это все тут так стало? – проводник в недоумении, заглядывает в алтарь, – да уж возьмите себе хоть эту икону, снимает с внутренней стенки иконостаса икону и протягивает мне. Владимирская, Иркутская, 17 век, репродукция под разбитым стеклом. Я ее много раз показывала

своим слушателям. Лик Богородицы как у хакаски, и у Младенца тоже тип лица восточный какой-то, сибирский. И вот Она в простой деревянной, почему-то очень тяжелой раме, с разбитым стеклом – последняя святыня храма. Нет, конечно, не последняя, нет. Сам воздух, земля, стены, все, хоть и обезображено разором, но стоит, служит вечности.

«Да кто же это? Да как же! Насос-то поставили, я знал, тут вода стала подходить, но что так, не думал...»

На свету икона оказалась большой! Выносной. Может быть, с ней и Крестными ходами ходили. Хотя Киновия называется Боголюбивая, в честь Боголюбской, а эта Владимирская...

А что сегодня за день? Число, число какое? Господи, да ведь завтра 1 июля, как раз Боголюбская. Вот почему в скиту

так звонят!

Тропарь Боголюбской не вспомнился, но Богородицу, Заступнику Усердную, Царице моя преблагая – и еще спели не один раз. Прости! Прости! Прости!

И все-таки хотелось узнать об этом месте побольше, где было это братское кладбище, может быть, местные еще помнят, и как здесь жили монахи?

– Куда! Я тут с детства живу. Камни стояли, да, а чтобы кто жил, не знаю.

Сергей хороший плотник, когда не пьет.

– А на что вам кладбище, что ищите-то?

– Да ничего не ищем, само находится. Просто братское кладбище, то есть братии, монахов – это святыня. Не случайно сюда Филиппушка пришел. Тут видно молитва горячей была. А когда храм нижний открыли, много народу ходило?

– Ой, много и часто! Я же тут живу, видел. Ходили и с крестом, и с иконами...

– А почему ж потом все прекратилось, почему и кто храм разорил? Само так как-то не бывает.

– А кто знает! Из скита пришли, много народу было, и в этих...

– В рясах, в облачении?

– Да, да, выкопали тело, унесли и все. Тут еще ход подземный есть и там мыши летучие, значит, есть и другой выход.

– Может, там и еще какие-нибудь захоронения есть? Вы не ходили?

– Не искал, да и он обваливается, далеко не пройдешь, его вообще хотели заложить. Вроде и заложили.

Получив на руки икону, мы уже стали не просто группой паломников, а крестным ходом, который несет священную реликвию.

И пошли с ней сначала вокруг храма с пением молитв, как и положено крестному ходу. Это немного удивило хозяев. Но скромность народная легко уступает место гостю и его воле. Значит, так надо. К тому же мы представились и, по-моему, даже показали красный писательский билет, а уж красные книжечки с гербами, да еще старыми у нас уважаются.

Икону несли по очереди, «Богородица, Дево, радуйся!» Посмотри на эту родную землю, прости ее, прости тех, кто соблазнился честью, кто устал противостоять лжи, тех, кто захотел удобной жизни здесь, здесь

и теперь, и тех, кто забыл, забыл обет нестяжания и творит свою волю как волю Божию... «Благословенна ты в женах...» Благослови нас, дерзающих, ошибающихся, благослови дев и жен и пробуди мужество мужей наших. «Спаса родила еси душ наших». Спаси, спаси землю русскую, удел Твой по молитвам святых наших.

Как же нужны нашей земле крестные ходы! В них обретают единство любовь к Отцу Небесному и к нашим полям, рекам, нашим дорогам. Для русского Небесное царство не отрицание земного, но союз с ним. Не с миром и его законом, но с тем чистым тихим творением, которое мучается нашим грехом безвинно и скорбит вместе с нами.

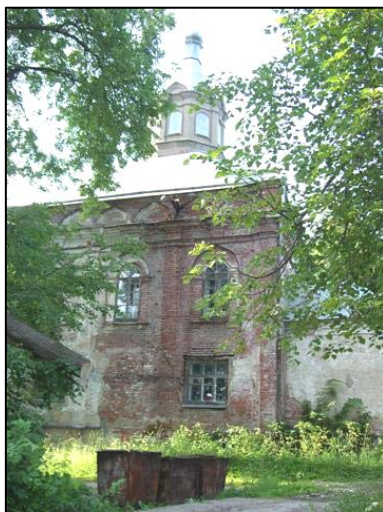

А уж как сердцу мо́лится, поется в крестном ходу, как оно движется вместе с землей под ногами, как выносит молитвы из себя и выдыхает их в вешний, всегда вешний воздух Руси!

Заступница Усердная! Заступи, спаси и помилуй всех очерстневших сердцами, соблаздившихся, и соблазненных, побросавших свои попроща и начавших служить выгоде наживе...

За всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего и всем твориши спастися...

Да как же уцелела Киновия и в гражданскую, и в финскую, и в Отечественную! Только колокольню разбомбило, а здание все крепко, и барабан с башенкой очень характерной сохранился, и мощи, мощи Филиппушки! Может, он-то и хранил это место? И не он один, наверное.

От братского кладбища ничего не осталось. Бурьян, какие-то обломки бетонных плит, арматура, свалка железяк... Но под ними-то то, что уже нельзя уничтожить, что стало землей и пребудет с нею до конца.

И все-таки разбомбленный вид мучает. А что на втором-то этаже храма было?

– А сдали помещение, сейчас все ведь сдают. И что-то они там делали, вроде подушки.

– Перо брали? Вон вытяжки видно.

– Да нет из синтетических волокон. Шарики какие-то привозили и здесь распушили.

Но здание все-таки не брошено людьми. Провода, кабели какие-то, стекла в рамах...

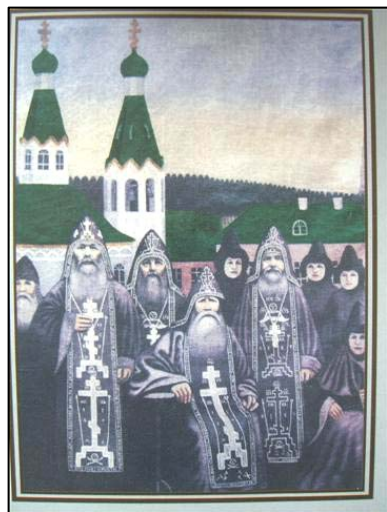

2009 год, семьдесят километров от Москвы... Или они не чувствуют особенности, благодатности этого якобы заброшенного места?

Как здесь хорошо! Почему? Что так греет душу?

Неподалеку, через пруд, где цветники скита, кажется, разбиты по шнурочку, где все вылизано и кирпичи по особой технологии полируют на стенах храма, чтобы вид на открытках и фотографиях был праздничный, где пещеры таят память о несказанной любви к Богу, такой, что и солнца не нужно было душе, – там в этой новой регулярности дышать сердцу сейчас нечем. Строевая служба по благоустройству заповедной территории...

О, конечно, есть те, кто пытается вырваться из этих тисков гламурного порядка в жизнь духа, но жезл игуменский в другой руке, и ницета людская вызывает лишь раздражение и досаду. О, Сергей! Сергей, твои ли сбитые ноги обошли этот холм северной Фи-ваиды!

Филиппушка ушел в Киновию вместе со своими сыновьями и дочерьми. Новая молчаливая семья возникла через пруд от Черниговского скита. Эта фотография появилась на четвертом или пятом издании жития блаженного Филиппушки. Наверное, кто-то занимается архивными материалами, и даст Бог, не соблазнится утаивать и приписывать, как сейчас говорят для пользы широкого читателя. Как будто уже не правда нужна, а какое-то снадобье для умов с историческими и духовными фактами, чтобы действие было крепче и никаких лишних образов не мелькало. Прощай, святая Киновия, как не тронули тебя годы, так да не тронут наши грехи.

«Туда» всегда идем пешком, «обратно» подгадываем к автобусу, если есть. И вот через сосновый бор вышли на остановку, которая так и называется «Киновия». И вспомнился

тут не столько голод, сколько продукты в сумках, оттягивающих руки. И вот вкушаем божьи плоды в изгаженном человеком месте.

Ко всему мы привыкли за последнее десятилетие! Что способно вызвать порыв протеста, возмущения, или востор-

га. Нет, восторг вызывается регулярно, гастрономический, сценический, дизайнерский – о! Это что-то новенькое!

Совершенно разучились говорить «нет»! А следовательно, и противостоять, а за этим и защищать, охранять, беречь. Страхом нас заставили жить только свою частную маленькую жизнь. Зашорили, застращали, и отказалась русская душа от своей широты, от того, что вмещала в себя не только род, но и народ, но и землю, с которой жила. И мерзость запустения накрыла разом всю страну. Общественное пространство стало не местом встречи, а местом вседозволенного самоутверждения.

Но мы, найдя деревянную не выломанную до конца лавочку, так обрадовались, что и не видели все местных «художеств» у себя за спиной, мы просто оказались на их фоне, а перед нами, над бором, все висел в небе белый куполок Киновии, как венец какой-то, то совсем исчезал в рассеянном свете, то вдруг – вижу опять! Смотри!

